

ЛІТЕРАТУРА:

1. Нецименко Г.П. Закономерности словообразования, семантики и употребления существительных с суффиксами объективной оценки в современном чешском языке / Г.П. Нецименко // Исследования по чешскому языку. Вопросы словообразования и грамматики. – М.: АН СССР, 1963. – С. 147-151; 2. Тимко О. Ботанична і зоологічна номенклатура бачванських руснаків / О. Тимко. – Ужгород: УДУ, 1996. – 169 с.; 3. Шамота А.М. Назви рослин в українській мові / А.М. Шамота. – К.: Наукова думка, 1985. – 162 с.; 4. Poštolková B., Roudný M. O české terminologii / B. Poštolková, M. Roudný. – Praha: Academia, 1983. – 51 s.

Гончаренко А.В. (Київ, Україна)

Лексические разночтения в редакциях Киево-Печерского патерика

У статті на прикладі різночасових редакцій Києво-Печерського патерика аналізуються лексичні різночитання, що свідчать про формування явища лексичної синонімії в давньоруській мові.

Ключові слова: лексичні різночитання, сема, Києво-Печерський патерик.

В статье на примере разновременных редакций Киево-Печерского патерика анализируются лексические разночтения, свидетельствующие о формировании явления лексической синонимии в древнерусском языке.

Ключевые слова: лексические разночтения, сема, Киево-Печерский патерик.

The article deals with different time publications of the Lives of Fathers in the Kiev Monastery of the Caves. Under analysis are the different lexical wordings which testify in favour of the phenomenon of lexical synonymy in the Old Russian language.

Key words: lexical different wordings, seme, the Lives of Fathers, the Kiev Monastery of the Caves.

Большинство известных сегодня памятников древнерусской письменности, как правило, дошли до нашего времени в различных списках и редакциях, составляемых часто на разных территориях государства на протяжении всей истории их бытования. При сопоставлении списков одного памятника нередко обнаруживаются разночтения. Их появление связано со стремлением переписчиков дать истолкование слова, конкретизировать и упростить его. В плане содержания такие языковые изменения не играют весомой роли, но представляют значительный интерес при лингвистическом рассмотрении. Подобные явления имеют существенное значение при выявлении основных тенденций в истории развития языка.

Проблема интерпретации лексических взаимозамен восходит к работам академика И.В. Ягича. Однако до настоящего времени терминологический статус понятия «лексические разночтения» не имеет однозначного определения. В рамках нашего изложения остановимся на точке зрения, принимаемой

многими исследователями древнерусских памятников письменности, в частности Л.Г. Паниным, А.Ю. Мусориным, Л.И. Шелеповой. По их мнению, лексические разночтения «касаются фонетического, лексико-морфологического, словообразовательного, семантического варьирования и синонимических связей слов. Языковые различия, как правило, не приводили к возникновению расхождений на уровне текста» [12, 9]. Таким образом, это понятие включает в себя два уровня изменений слов: лексические варианты и лексические синонимы. Основываясь на этой позиции, в современной лингвистике лексические разночтения рассматриваются преимущественно в рамках процесса формирования синонимических отношений (Е.И. Безматерных, А.Ю. Мусорин, О.Б. Юсова). На причины такого понимания указывает в своем исследовании Е.И. Безматерных, согласно которому о лексико-семантической вариантности по разным спискам одного памятника правомерно говорить лишь в отношении переводной письменности, что связано со стремлением переписчиков к наиболее точному переводу оригинала [3, 11].

В поле зрения нашего внимания оказываются особенности лексических разночтений в редакциях Киево-Печерского патерика. Этот памятник древнерусской агиографической литературы насчитывает около двухсот списков. Его тщательным историко-литературным исследованием занимался филолог-славист Д.И. Абрамович [1]. Им же при сопоставлении наиболее известных редакций Патерика – Основной, Арсеньевской, Феодосьевской и Кассиановских – было обнаружено достаточное количество разночтений с указанием их места в тексте.

Все вышеназванные редакции составлены в XIV-XV вв. Как утверждает историк русского языка В.В. Колесов, «именно с этого времени начинается усиленная работа по редактированию старых текстов..., возникают словарные варианты, ... но самое главное – порождаются синонимические ряды, которых до того фактически не было» [8, 20]. В своей работе «Философия русского слова» В.В. Колесов говорит о появлении в этот период возможности «заметить слово как самостоятельное нечто» [10, 317].

Действительно, несмотря на то, что основной единицей средневекового текста была словесная формула, наиболее ярко лексические разночтения проявляются на уровне отдельного слова. Такие взаимозамены позволяют обратить внимание на определенное, полное семантических оттенков лексическое значение того или иного слова вне зависимости его от словесной формулы. Обратимся к конкретным, наиболее интересным примерам.

Д.И. Абрамович указывает на наличие разночтений текстов ранних редакций с текстом Кассиановских: «... *сътворите себѣ други от мамоны неправедныа, да егда оскудѣте, приимуть вы въ вѣчныа крове*» [2, 85]. В Основной и Арсеньевской редакциях последнее словосочетание записано как «в села вѣчныа».

По данным «Старославянского словаря» под редакцией Р.М. Цейтлин и «Материалов для словаря древнерусского языка» И.И. Срезневского (последний охватывает лексемы до XVI века) слова *кровы* и *села* имеют общую сему «жилище», т.е. являются синонимами в таком значении. Именно оно и заложено в контексте. На это же указывает и перевод Патерика на современный русский язык Л.А. Дмитриева: «*Приобретайте себе друзей богатством неправедным, чтобы они, когда обнищаете, приняли вас в вечные обители*» [7, 451]. При переводе текста памятника на украинский язык И.В. Жиленко предпочла образ покоя: «*Сотвори́ть собі друзів од Мамони неправедної, щоб коли оскулієте, прийняли вас до покою вічності*» [13, 71]. Как показывает собранный нами материал, такой выбор можно соотнести с понятием жилья при учете психологического аспекта понимания дома человеком как места спокойствия, с отсутствием волнения и забот. В ходе развития языка можно наблюдать трансформацию понимания этой лексемы как жилой комнаты в доме.

Все выделенные в этом примере слова сопровождаются эпитетом «вечный», указывающим на понимание их не как обычного земного дома, а дома высшего, небесного. Подтверждение содержится в бибейских мотивах: «И Я говорю вам: приобретайте себе друзей богатством неправедным, чтобы они, когда обнищаете, приняли вас в вечные обители» [Лука XIV, 9]. На это же указывает и И.В. Жиленко [13, 241].

Однако уже «Словник староукраїнської мови», охватывающий период XIV-XVI вв., не указывает на наличие семы «жилье» у лексемы село. Причиной этому, по нашему мнению, может стать его утрата на срезе XIV-XV вв. Слово кров с таким семантическим компонентом употребляется и сегодня.

В Древней Руси существовала своеобразная система терминов родства. Ее границы были довольно шаткими и быстро менялись. Разобраться в этой системе иногда бывает весьма сложно. Подтверждение находим в следующем примере. В тексте Кассиановской редакции читаем: «*Намъ же идуцимъ пояхомъ съ собою други и южикы своя*» [2, 6]. В Арсеньевской и Феодосиевской редакциях выделенной лексеме соответствует лексема *ближники*, а в Основной – *ближники*. Вышедшее сегодня из употребления слово *южики* (известны также варианты *ужики*, *ѡжики*), как утверждает В.В. Колесов, является первоначальным славянским переводом греческого *suggenes* «свойственный от рождения, сродный, однородный, родной». Ужики – те, кто повязан общими узами (корень у него тот же, что и у слова узы); этот словесный образ, как считает ученый, пришел из византийской литературы и не прижился на Руси [9, 49]. Словари старославянского и древнерусского языков указывают на значение этой лексемы как «родственник, родственница». Вероятно, примерно в XV в. она была утрачена, поскольку в

словарях, охоплюючих более поздний период, уже не фиксируется. Исходя из контекста, т.е. противопоставления лексем *другы* и *ближники*, *ближники*, а также из замены последних лексемой *южики*, можно предположить, что *ближниками* и *ближиками* также называли родственников в древнерусскую эпоху. Об этом же идет речь и в «Материалах для словаря древнерусского языка»: *Ближика = Ближикъ – родственникъ; Ближьника = Ближьникъ – 1. близкій, 2. родственникъ* [18: I, 114].

Следует при этом учитывать, что в Древней Руси существовали различные варианты слов для наименования людей близких по родству и ближних по месту жительства. Подробный анализ такой лексики провел в своем исследовании В.В. Колесов. По его мнению, для наименования крайне близкого, кровного, родного человека действительно существовало слово *ближьнь*, *ближика*, которому предшествовали *искрьнь*, *сердоболя*, *приснь*. «На то, что первоначально ближнии – действительно родичи, указывают сочетания слов, возможные в древнерусском: от ближнего получают добро, любовь, честь, дары и прочее, что может дать только родич и близкий человек, только тот, кого называют искренний, присный и сердоболя, – пишет В.В. Колесов. – Все эти представления идут из родового быта, и первые славянские переводы отражают именно то понятие о ближнем, когда ближним может быть лишь близкий, родной по крови человек» [9, 48]. Ближними, по мысли ученого, были представители рода, родные, но тесный круг семьи – это уже близкие. В выражении понятия о близком постепенно происходило отстранение от кровного в сторону ближнего: от родственника – к знакомому, соседу, спутнику.

Таким образом, уже к XIII веку появляется различие между близким и ближним. Первый приравнивается к ближайшему, т.е. самому близкому, родному. Ближний – тот, кто живет рядом или же друг.

Лексема *ближники*, согласно «Словарю древнерусского языка (XI–XIV вв.)», имеет то же значение, что и *ближикъ* [16: I, 231]. Однако по мысли В.В. Колесова, она появилась на рубеже XIV и XV веков. Он называет ее искусственной попыткой соединить в общем наименовании родичей (*ближика* и *близок*) и соседей (*ближние*) [9, 51]. В любом случае слово не закрепилось в языке, и поэтому уже в поздних редакциях Патерика его заменила лексема *южики*.

Подтверждение вышесказанного находим в переводе Патерика на украинский язык поэтессы И.В. Жиленко, которая использует в данном контексте лексему *родичі*: «*Ми ж пішли, взявши з собою друзів та родичів своїх...*» [13, 15]. В то же время Л.А. Дмитриев обращается к слову *ближние*: «*Когда мы пошли, взяв с собою друзей и ближних своих...*» [7, 419], что, исходя из вышесказанного, по нашему мнению, не совсем верно.

Д.И. Абрамович указывает и на разночтения в следующем контексте. Кассиановская редакция: «*И се увѣдавъ братъ его, приславъ с мольбою къ игумену, глаголя, прося себѣ на благословеніе креста, иже у парамандіи его, и възглавница и кладки его, на неи же кланяшеся*» [2, 117]. Первой лексеме во всех остальных редакциях соответствуют *пароманатки* или *переманатки*. Второй – *подушка*. Последнее выделенное слово имеет в Арсеньевской и Феодосиевской редакциях соответствие *колбицѣ*, а в Основной – *колотки*.

Парамандии и *переманатки* являются разговорными вариантами существительного *парамандѣ* или его синонима *парамантъ*. По данным «Материалов для словаря древнерусского языка» И.И. Срезневского так называется «четвероугольный плат с изображением креста и других знаков страдания Спасителя, носимый монахами на груди и на плечах» [18: II, 879]. Как утверждает в своем диссертационном исследовании Е.С. Харин, это был обязательный атрибут монашеской одежды, одеваемый поверх власяницы – длинной рубахи из грубой шерстяной материи. Символизировал он «последование крестное владыце Христу, знаменует щит спасительный», поэтому в перекрестье шнуров, которые обнимали все тело под руками и через плечи, на нем крепился небольшой крест [21, 50].

Лексема *подушка* зафиксирована впервые в памятниках XIII века и активно употребляется сегодня. Ее этимологию обычно сводят либо к праславянскому *dux-* как название надутой вещи, либо к словосочетанию *родѣ ухо* (под ухо) [6: IV, 478]. При определении этого слова В.И. Даль указывает на его синоним *подголовье*, в современном же языке известно слово *изголовье*. Исходя из морфемной структуры этих лексем, можно предположить их происхождение от вышедшего из обихода синонима слова *подушка* – *възглавница*. Такой поморфемный перевод – *підголовник* дает в своем тексте Патерика И.В. Жиленко: «*Прошу собі на благословіння хреста з його парамана, і підголовник, і кладки його, на яких поклони бив*» [13, 105].

При выяснении семантики лексем *кладка*, *колбица* и *колотки* было обнаружено точное значение лишь второго слова. По данным «Словаря древнерусского языка (XI–XIV вв.)» под *колбицей* понимали «плоский кусок дерева, служащий подставкой (скамеечкой) при коленопреклонении» [16: IV, 237]. В «Материалах для словаря древнерусского языка» находим лишь слово *клада*, которое, как нам кажется, можно соотнести с вариантом *кладка*. Так в древнерусский период обозначали колоду, выдолбленный пень дерева, употреблявшийся для погребения мертвых, и даже костер, на котором сжигали умерших [18: I, 1211]. Вероятно, лексема *колотки* была лишь разговорным вариантом существительного *клада*. Таким образом, исходя из наличия у всех трех слов семантики, связанной с деревянным

предметом, а также из контекста, можно предположить, что все они являлись синонимами и обозначали определенной формы деревянный настил, на котором били поклоны.

Повседневная жизнь инока во многом зависела от того положения, которое он занимал в иерархии монастырских чинов. Во главе любого монастыря стоял игумен. В разных редакциях это слово также претерпевает замены. В частности, в Кассиановской редакции имеет место отличие от списков других редакций в таком контексте: «*Сей, жєлаа славим быти от человекъ, дѣлю веліе не Бога ради замысливъ, нача просити игумена, да в затворъ внидеть*» [2, 124]. Выделенная лексема заменяет предшествующую *старец*.

Отшельников и пожилых монахов в Древней Руси называли старцами. Можем предположить, что на такое определение повлиял их весьма скудный и умеренный образ жизни. Кроме того, это слово имеет общий корень со словом *старый*, т.е. достигший старости, проживший много лет, соответственно опытный, мудрый. Именно такой человек должен был возглавлять ту или иную общину, быть ее наставником. В связи с этим старцем начали называть старейшину, первого, главного по положению. С проникновением же на русскую землю христианства и появлением переводных богослужебных книг это слово все чаще заменяется греческим «*игумен*» (с гр. «верховный предводитель, вожак»). Так стали обозначать звание, которое давали заслуженным иеромонахам и настоятелям монастырей [12, 58].

В Патерике фиксируются разночтения и относительно других наименований чинов в монастырской иерархии. Лексема *полатник*, встречающаяся в Основной, Арсеньевской и Феодосиевской редакциях, в тексте Кассиановской редакции получила замену *иконом*: «*Они же отвѣцавши рѣкоша, яко никто же входилъ есть в ню, но и ключа у иконома суть*» [2, 181].

Полатником монахи Киевской Руси называли человека, у которого были ключи от монастырских палат, – ключника. *Иконом*, по данным словарей, – монах, заведующий монастырским хозяйством, управитель [18: I, 1087]. Согласно исследованию Е.В. Романенко, посвященному повседневному быту русского средневекового монастыря, понятия «эконом (иконом)» и «ключник» (соответственно и «полатник») тождественны. В ведении монаха в таком звании находились погреба, амбары, кухня, конюшни, скотный двор и т. д. Эконом избирался братией на определенный срок. Ему подчинялось множество людей: подключник, ведавший погребами и складами, хлебник, трапезник, конюший, ризничий вместе с подризничими [15, 88].

Лексема *полатник*, как свидетельствуют материалы словарей, в последний раз зафиксирована в конце XV в. В дальнейшем она вышла из активного словарного запаса.

У русичей существовало множество названий потусторонних сил – как светлых, так и темных. Наличие подобных синонимических названий позволяло делать взаимозамены в различных списках одного и того же текста. Такие разночтения были найдены и Д.И. Абрамовичем в Киево-Печерском Патерике: «*И тога душепагубный змий приім область над ним и рече...*». Выделенное сочетание слов в тексте Кассиановской редакции во всех остальных списках имеет соответствие *бѣсъ* [2, 125]. Исследователь указывает и на еще одну взаимозамену: «*Или преста от тебе рать бѣсовьскаа, или еще пакости творять любленіемъ имѣніа...*» [2, 163]. В остальных редакциях, в отличие от Кассиановской, используется сочетание *брань отъ бѣсовь*.

В тексте Патерика находим еще много синонимов слова *бес*: дьявол, сатана, супостат, враг. Многие из них сопровождаются определениями, усиливающими негативную коннотацию: вражеские силы, злые духи, нечестивые духи, нечистые бесы, змей лукавый и т.д. Наличие длинного синонимического ряда, называющего темные силы, свидетельствует о частом упоминании о них в монастырском обиходе. Действительно, нечистые силы нередко являлись инокам, чтобы нарушить их праведный образ жизни и обратить на свою сторону.

Неотъемлемую часть повседневного быта человека всегда составляла одежда. Она же была важным атрибутом монашеской жизни. Специальные символические одеяния символизировали отрешение от всего мирского. При назывании некоторых предметов одежды в тексте Патерика также встречаются разночтения. Обратимся к примеру из Кассиановской редакции: «*... и се мертвый обрѣтается в келіи связанъ, и камень на выи его, ризы же его еще бяху мокры, лице же бѣаше свѣтло, сам же акы живъ*» [2, 137]. Вместо лексемы *риз* в Основной, Феодосиевской и Арсеньевской редакциях употребляется слово *порты*. Как отмечает в своей работе, посвященной истории русской одежды, краевед В.И. Вардугин, слово произошло от изначального *портно* – узкого грубого холста, из которого шили крестьянские рабочие рубахи [4, 59]. И.И. Срезневский указывает на употребление слова *пртъ* в памятниках периода Киевской Руси со значениями «кусок ткани», «покрывало», «пелена», «оболочка», «нить», «священническая риза», а также «платье, одежда» (большей частью во множ. числе) [18: II, 1753-1755]. В качестве примера употребления слова в последнем значении он приводит рассматриваемую нами цитату из Киево-Печерского патерика.

Значение существительного *риза*, согласно «Материалам для словаря древнерусского языка», содержит такие семантические компоненты как «одежда», «священническое облачение» (употребляется во множ. числе), «покрывало», «плат» [18: III, 120].

Сопоставив семантику рассматриваемых лексем с приведенным контекстом, видим разницу: слово *порты*, употребляемое в ранних редакциях Патерика во множественном числе, обозначает общее название одежды, тогда как *ризы* в этой форме называют священническое одеяние. Семантика этих слов пересекается лишь при смешении их числовых категорий.

Ф.П. Филин указывает, что существительное *порты* упоминается еще в Повести временных лет, в значении «одежда из нескольких кусков ткани». При этом ученый отмечает: «Весьма вероятно, что и в церковный обиходный язык *порты* попало не из древнецерковнославянского языка, а из разговорной речи местного населения. Широкое распространение слова (с различными производными и различными значениями) в современных восточнославянских диалектах не оставляет ни малейшего сомнения в том, что оно не церковнославянского происхождения» [20, 161]. Таким образом, под термином *порты*, возникшим на древнерусской территории до появления церковнославянского языка, следует понимать общее название одежды. В более позднюю эпоху эта лексема будет вытеснена словами *одѣнье*, *одежа*.

В тоже время существительное *риза* восходит к старославянскому языку, характеризуясь семантикой «одежда; верхняя одежда» [19, 581], которая не зависела от числового значения.

Таким образом, лексическая взаимозамена в указанном примере находит свое объяснение, если рассматривать значения понятий *порты* и *ризы* не в пределах древнерусского языка, а учитывая характер их происхождения. Этот факт еще раз подтверждает мысль о том, что язык Патерика не был однороден и включал в себя элементы как древнерусского, так и старославянского.

Встречается в Патерике и разночтение, связанное с предметами обуви монахов. В тексте Кассиановской редакции читаем: «*Егда же приспѣваше зима и мрази лютыи, то стоаше въ плесницахъ раздранныхъ, яко многожды примерзаху нозѣ его къ камени...*» [2, 187]. Соответственно в Феодосиевской редакции встречается лексема *прабошни*, а в Арсеньевской – *калиги*. В Повести временных лет также упоминается эпизод, из которого взята цитата. При этом употребляется лексема *поръшьнь*. Все четыре слова были синонимами в древнерусском языке и обозначали вид обуви, именуемый позже башмаками.

В Древней Руси обувь обычно либо шили или плели (лапти), либо гнули из кожи. Последнюю называли *курпами*, *опанками*, *постолами*, *поринями*. Поршни (часто – *прабошни*) представляли собой подошву, края которой стягивались у подъема ноги лыком, шнурком или ремнем [4, 101]. В современном русском литературном языке (как и в украинском) это слово отсутствует, однако в народных говорах эта реликтовая форма до сих пор сохраняется. *Плесница* – производное от *плесна*, *плѣсна*, что обозначает

нижнюю часть ноги, стопу или же след. Е.В. Романенко указывает на то, что это были деревянные башмаки [15, 279].

Относительно существительного калиги словари не дают подробного толкования, указывая лишь, что это вид обуви [16: IV, 194] или же башмак [18: I, 1182]. В несколько измененном виде слово содержится и в словаре В.И. Даля: *калигвы – башмаки, чакчурь, чакчурь, выступки, черевички, обувки*. Изначальный вариант калиги упоминается с пометой «вологод.», указывающей на территориальную соотнесенность слова [5: II, 69]. И.И. Срезневский в «Материалах для словаря древнерусского языка» указывает и на еще одно значение термина калиги (калики) – *странник* [18: I, 1182]. Примечательно, что именно от него произошло словосочетание «калики перехожие» – старинное название странников, поющих духовные стихи и былины.

В переводах Патерика на русский и украинский языки эти устаревшие формы уже не употребляются: *«Когда же приспевала зима и наступали морозы лютые, то и тогда стоял он в протоптанных башмаках, так что часто ноги его примерзали к каменному полу...»* [7, 611]; *«Коли ж приспіла зима і морози люті, то як стояв у черевиках порваних, неодноразово примерзали ноги його до каміння...»* [13, 171].

Таким образом, анализ лексических разночтений списков одного памятника письменности (Киево-Печерского патерика) свидетельствует, во-первых, о становлении слова в качестве самостоятельной лексической единицы и вычленении его из словесной формулы, а во-вторых – о формировании явления лексической синонимии. Последнее положение особенно важно, поскольку агиографический текст традиционно характеризовала строгая регламентация и нормативность. Появление синонимов, нарушающих рамки канонизированного текста, свидетельствует о расширении языковых границ, внедрении заимствованных элементов, приращении и трансформации семантики лексических единиц в общеязыковом процессе.

ЛИТЕРАТУРА:

1. *Абрамович Д.И.* Исследование о Киево-Печерском патерике как историко-литературном памятнике / Д.И. Абрамович. – СПб.: Изд. Отд-ния рус. яз. и словесности Имп. АН, 1902. – 213 с.;
2. *Абрамович Д.И.* Киево-Печерський патерик / Д.І. Абрамович. – К.: Час, 1991. – 280 с.;
3. *Безматерных Е.И.* Лексические разночтения в памятниках русского средневековья как отражение процесса формирования синонимических отношений в русском языке (на материале contemporaneous списков «Повести временных лет» и «Жития Сергия Радонежского»): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Безматерных Елена Игоревна; Удмурт. гос. ун-т. – Ижевск, 2010. – 27 с.;
4. *Вардугин В.И.* Русская одежда: История народного костюма от скифских до советских времен / В.И. Вардугин. – Саратов: Регион. Приволж. изд-во «Детская книга», 2001. – 352 с.;
5. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. / В.И. Даль. – М.: ГИИНС, 1955;
6. *Етимологічний словник української мови: У 7 т. / редкол.: О.С.*

Мельничук (голов. ред.) та ін. – К.: Наукова думка, 1982-2012; 7. Киево-Печерский патерик / Подг. текста, пер. и коммент. Л.А. Дмитриева // Памятники литературы Древней Руси: XII в. – М.: Худ. лит., 1980. – С. 413–704; 8. Колесов В.В. Исторические основания многозначности слова и лингвистические средства ее устранения / В.В. Колесов // Русское семантическое словообразование: Сб. ст. – Ижевск: изд-во УдГУ, 1984. – С. 18-28; 9. Колесов В.В. Мир человека в слове Древней Руси / В.В. Колесов. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1986. – 312 с.; 10. Колесов В.В. Философия русского слова / В.В. Колесов. – СПб.: ЮНА, 2002. – 448 с.; 11. Мусорин А.Ю. Лексические различения в списках паремий Борису и Глебу: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Мусорин Алексей Юрьевич; Новосиб. гос. ун-т. – Новосибирск, 2006. – 22 с.; 12. Панин Л.Г. Лингвотекстологическое исследование минейного Торжественника. Рукописи XIV – XVI вв. / Панин Л.Г. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1988. – 264 с.; 13. Патерик Киево-Печерский / Упорядкувала, адаптувала українською мовою, склала додатки і примітки Ірина Жиленко. Відп. редактор В.М. Колпакова. – К.: Видавничий дім «KM Academia», 1998. – 348 с.; 14. Пуряева Н.В. Словник церковно-обрядової термінології / Н.В. Пуряева. – Львів: Свічадо, 2001. – 160 с.; 15. Романенко Е.В. Повседневная жизнь русского средневекового монастыря / Е.В. Романенко. – М.: Мол. гвардия, 2002. – 329 с.; 16. Словарь древнерусского языка (XI-XIV вв.): В 10 т. / АН СССР. Институт русского языка; Гл. ред. Р.И. Аванесов. – М.: Русский язык, 1988-2004; 17. Словник старокраїнської мови XIV-XV ст.: У 2 т. / Укл.: Д.Г. Гринчишин, У.Я. Єдлінська, В.Л. Карпова та ін. – К.: Наукова думка, 1977-1978; 18. Срезневский И.И. Материалы для Словаря древнерусского языка по письменным памятникам: В 3 т. / И.И. Срезневский. – СПб.: Изд. Отд-ния рус. яз. и словесности Имп. АН, 1893-1912; 19. Старославянский словарь (по рукописям X-XI веков) / под ред. Р.М. Цейтлин, Р. Вечерки, Э. Благовой. – М.: Русский язык, 1994. – 842 с.; 20. Филин Ф.П. Лексика русского литературного языка древнерусской эпохи (по материалам летописи) / Ф.П. Филин // Учен. зап. Ленингр. пед. ин-та. – Л., 1949. – Т. 80. – 288 с.; 21. Харин Е.С. Древнерусское монашество в XI-XIII вв.: быт и нравы: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Харин Егор Сергеевич; Удмурт. гос. ун-т. – Ижевск, 2007. – 191 с.; 22. Юсова О.Б. Лексические различения одновременных списков славянской Псалтыри XI-XVII вв.: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Юсова Ольга Борисовна; Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского. – М., 2007. – 18 с.

Дерба С.М. (Київ, Україна)

Термінотворення на основі греко-латинських елементів у сучасній українській мові

Дана стаття присвячена актуальним проблемам сучасної української термінології. А саме, термінотворенню термінів української мови на основі елементів греко-латинського походження. Розглянуто терміноелементи греко-латинського походження та їх застосування в лексичі сучасної української мови.

Ключові слова: *термінологія, терміноелемент, лексикологія, походження, запозичення.*

Данная статья посвящена актуальным проблемам современной украинской терминологии. А именно, источникам формирования терминов лексикологии и